

КАРЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК-САМОЗВАНЕЦ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА *

Е. Д. Суслова

Статья посвящена малоизученной в историографии проблеме регламентации церковной властью процедуры комплектования причтов в приходах Заонежской десятины Новгородской митрополии в раннее Новое время. Вопрос рассматривается сквозь призму исследования материалов судебного дела, разобранного епископом Карельским и Ладожским Аароном в 1716–1721 гг. и связанного с фактом служения в церкви ставленника, уверившего приходскую общину в своем рукоположении в сан. В основу исследования положен анализ социальных, родственных и фамильных связей ставленника, членов церковного причта и прихожан на протяжении нескольких десятилетий. Житейская ситуация изучается в широком контексте, с учетом действовавших норм законодательства и в русле мер, предпринятых новгородскими митрополитами по организации низшего церковного управления во второй половине XVII — первой трети XVIII в. Реконструкция особенностей выбора ставленника на должность священнослужителя в Фоймогубском приходе позволила заключить, что общины Заонежья активно пользовались своими традиционными правами. В то же время церковная администрация с целью реализации требований законодательства по регламентации процедуры комплектования причтов приняла комплекс мер, направленных на организацию более эффективной системы управления округами с целью выстраивания более жесткой вертикали власти. Новгородским митрополитам в значительной степени удалось добиться проведения в жизнь определений церковных соборов в карельских приходах не только путем постепенного усложнения аппарата управления, но и благодаря опоре на избранных представителей из числа местных клириков, занявших должности поповских старост.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К.

Историография вопроса о регламентации приходских выборов духовенства

Вопрос о регламентации церковной властью приходских выборов, широко распространенной в епархиях Московского патриархата в XVI–XVIII вв. и признававшейся на законодательном уровне практики подбора кандидатов на должности священно- и церковнослужителей мирянами, с давних пор является предметом пристального исследования.

П. В. Знаменский, опираясь на опубликованные археографической комиссией акты материалы и законодательство, сформулировал причины ограничения права прихожан на избрание кандидатов в причт. В их числе ученый указал на осознание властью зависимости духовенства от прихожан и отсутствие штатов, а также на злоупотребления как со стороны мирян, использовавших выборы в своих корыстных интересах, так и со стороны некоторых архиереев, порой рукополагавших в сан всех без разбора кандидатов и тем самым пополнявших казну за счет пошлин за хиротонию и «посулов»¹.

Исследователь подчеркнул, что мероприятия по регламентации приходских выборов в разных епархиях стали проводиться церковными властями в разное время. В центральном регионе, по мнению П. В. Знаменского, первые шаги по ограничению прав мирян были предприняты уже во второй половине XVII в., в то время как «в некоторых местностях», таких как Сибирь и Юго-Западная Россия, практика выборов сохранялась «во всей... целости» вплоть до второй половины XVIII в.² В то же время ученый не остановился на причинах подобного явления, лишь отметив, что только отсутствие хорошо подготовленных кадров заставляло архиереев в течение длительного времени полагаться «на рекомендацию... самих общин, которые хорошо знали, какие у них лучшие и более способные к священству люди»³.

Привлекая челобитные крестьян Холмогорской епархии 1680–1690-х гг., В. М. Верюжский описал процедуру приходских выборов в крае, отличавшемся преобладанием черносошного крестьянства и развитыми традициями самоуправления. Оценивая недостатки выборности, ученый установил, что в указанную эпоху в епархии участились случаи подбора недостойных и не пользовавшихся авторитетом прихожан кандидатов. Причины подобного явления исследователь увидел в распространенной практике подкупов голосов выборщиков третьими лицами и зажиточными крестьянами, так же как и в более внимательном отношении мирян к определению размера вознаграждения тому или иному лицу за служение, чем к его нравственным качествам⁴. По мнению В. М. Верюжского, архиепископ Афанасий, зная проблему изнутри и не имея возможности

¹ См.: *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. СПб., 2003. С. 102–104 (переизд. с изд. 1867 г.); *Он же.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 2003. С. 194–195 (переизд. с изд. 1873 г.).

² См.: *Знаменский.* Приходское духовенство на Руси... С. 73, 76, 103, 108; *Он же.* Приходское духовенство в России... С. 193, 211.

³ *Знаменский.* Приходское духовенство на Руси... С. 72.

⁴ См.: *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII в.: Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 206–208, 211, 213.

с помощью административных мер отменить традицию приходских выборов, стремился окончательное решение о выборе того или иного кандидата взять под свой контроль, требуя, чтобы каждый ставленник утверждался на то или иное место его особым указом⁵.

В очерке по истории организации прихода на Русском Севере М. М. Богословский, в целом позитивно рассматривая участие общины в решении церковно-приходских дел, оценил меры, предпринятые церковной иерархией и светской властью, с точки зрения развития государственности. По мнению ученого, постепенный процесс бюрократизации привел к тому, что «живое участие общины в церковных делах стало рассматриваться как незаконное вторжение в права церковной власти»⁶.

А. В. Камкин, привлекая материалы по Архангельской епархии, подметил, что на протяжении XVIII в. в крае наряду с сохранением практики приходских выборов и наследственной передачи должностей внутри священнослужительских родов постепенно утверждалась система назначаемости клира⁷. Тем не менее автор не остановился на интерпретации происходивших перемен.

Одну из причин усиления контроля за внутренней жизнью приходов в Северном крае во второй половине XVII в. А. Н. Старицын увидел в том, что церковные власти столкнулись с сопротивлением общин церковным реформам, предполагавшим совершение богослужений по вновь исправленным службеникам. Разбирая случай, который произошел в 1666–1667 гг. в Каргопольском уезде, исследователь установил, что община одного из приходов использовала механизм выборов для отстранения от должностей тех клириков, которые послушно исполняли распоряжения священноначалия⁸.

З. А. Тимошенкова, обращаясь к материалам фонда Иверского монастыря, подробно остановилась на процедуре выборов духовенства в вотчине монастыря в Шелонской и Деревской пятинах Новгородской земли во второй половине XVII в. Проанализировав комплекс челобитных крестьян и клириков, автор высказала ценную мысль о том, что священники, хотя и не обладали должным авторитетом, с готовностью отстаивали свое право на место в том или ином приходе⁹.

Проанализировав материалы дел об утверждении архиереем ставленников во второй половине XVIII в., М. В. Пулькин подчеркнул, что в Олонецком крае, несмотря на сохранение в течение всего столетия практики приходских выборов, окончательное решение об утверждении кандидатов оставалось за владыкой, который пользовался своей властью с целью подбора подходящих

⁵ См.: *Верюжский*. Указ. соч. С. 180, 216–220.

⁶ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. С. 26.

⁷ См.: *Камкин А. В.* Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-р. ист. наук. М., 1993. С. 32.

⁸ См.: *Старицын А. Н.* Просопография северной деревни времен церковной реформы XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014. № 2 (56). С. 8–10.

⁹ См.: *Тимошенкова З. А.* Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-Западе России во второй половине XVII — начале XVIII в. // *Средневековая и новая Россия: Сб. науч. статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова*. СПб., 1996. С. 479–482, 486–488.

кадров¹⁰. Среди других «форм ограничения выборного начала» исследователь отметил факт постепенной регламентации формуляра выборной грамоты и процедуры ее составления¹¹.

Б. Н. Миронов оценил роль приходских выборов священнослужителей в XVII—XVIII вв. с точки зрения складывания сословия духовенства в России. Обобщая историографию, исследователь подчеркнул, что выборы способствовали сохранению обычая «предлагать место малограмотному претенденту» и превращали священника в наемного работника, зависимого от паствы во всех отношениях¹². В этой связи, распространяя предположение на все приходы Московского патриархата, ученый заявил, что только назначение архиереем обеспечивало священникам «легитимность, авторитет и хоть некоторую независимость», и они это хорошо осознавали¹³.

Разбирая вопрос о комплектовании причтов в центральных епархиях во второй половине XVIII в., американский исследователь Г. Фриз (Gregory Freeze) пришел к выводу, что, несмотря на регламентацию приходских выборов, у общин центральных епархий оставалось множество способов противостоять желанию архиереев назначать собственной властью неугодных ей клириков¹⁴. Ученый привел примеры, свидетельствующие, что в подобных случаях прихожане, обязанные содержать священников, морили ставленников архиереев голодом, отказывали в заработке и даже выселяли¹⁵. По мнению автора, основная причина регламентации процедуры выборов заключалась в утрате общиной прежней сплоченности, вследствие чего выборный механизм оказывался орудием в руках тех кандидатов, которые, пользуясь поддержкой меньшинства, добивались получения желанного места¹⁶. Исследователь высказал заслуживающую внимания мысль, что контроль за проведением выборов осуществлялся через духовных лиц при поддержке зажиточных и уважаемых прихожан¹⁷.

Таким образом, в изучении вопроса комплектования причтов во второй половине XVII—XVIII вв. первостепенное внимание уделено анализу приходских выборов, в то время как процедура утверждения ставленника архиереями остается малоизученной. С опорой на законодательство и делопроизводственные материалы исследователи тщательно описали процедуру проведения выборов, оценили их недостатки и преимущества, определили начало проведения мер, предпринятых церковной иерархией, по осуществлению контроля за церковно-приходской жизнью. Причины регламентации церковной иерархией процедуры

¹⁰ См.: Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009. С. 95, 99, 100, 105–106.

¹¹ См.: Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999. С. 104–105.

¹² См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2014. Т. 1. С. 366.

¹³ См.: Там же. С. 367.

¹⁴ См.: Freeze Gregory L. The Russian Levites: parish clergy in the eighteenth century. Cambridge; L., 1977. P. 157–158.

¹⁵ См.: Ibid. P. 158–159.

¹⁶ См.: Ibid. P. 160–162.

¹⁷ См.: Ibid. P. 161–162.

выборов рассматриваются преимущественно сквозь призму изменений в духовной и социальной жизни общин.

При этом практически неисследованным остается вопрос, каким образом архиереям удавалось организовать контроль за приходскими выборами и процедурой утверждения ставленников на уровне отдельных епархий, насколько предпринятые меры оказывались действенными. Остановливаясь на общей характеристике позиции церковной иерархии, исследователи в меньшей степени обращают внимание на отношение приходских общин к ограничению их старинных привилегий.

Случай служения священника-самозванца в карельском приходе

В фонде «Новгородской духовной консистории» (ф. 480) Государственного архива Новгородской области сохранилась копия дела, которое рассматривалось в 1717–1721 гг. в митрополичьем разряде духовным судьей Серапионом Аничковым. Из материалов дела следует, что житель Фоймогубской волости Никольского Шунгского погоста Иван Харитонов почти целый год — с августа 1716 г. по июль 1717 г. — без рукоположения в сан служил священником в родном приходе¹⁸.

Всестороннее изучение житейской ситуации в самом широком контексте, с нашей точки зрения, открывает уникальную возможность для уточнения уже высказанных в историографии наблюдений относительно особенностей комплектования церковных причтов на начальном этапе предпринятых церковными властями мер по устроению контроля за церковно-приходской жизнью в первой трети XVIII в.

Источники и методики исследования

В деле содержатся 23 документа с пометами, в том числе допросные речи Ивана Харитонова, членов церковного причта и мирян Фоймогубского прихода, выписки подьячих митрополичьего разряда из Кормчей и решений, принятых по схожим случаям, отписки приходского священника Шунгского погоста Семена Григорьева архиепископу Карельскому и Ладожскому Аарону. Сопоставительный анализ отложившихся в деле материалов позволяет реконструировать ход событий, оценить отношение к произошедшему церковной администрации и выяснить позицию священника-самозванца.

К исследованию также привлечены переписные книги Заонежских погостов Ивана Аничкова 1678 г. и Алексея Головина 1707 г., переписная книга Лопских погостов Алексея Апрелева 1707 г., книга священно- и церковнослужителей Олонецкого уезда и их родственников, «которые в оклад не положены» 1720–1723 гг., акты приказного делопроизводства — как опубликованные археографической комиссией, так и обнаруженные в фонде 98 научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН («Олонецкая воеводская изба»), фонде 480 Государственного архива Новгородской области («Новгородская духовная консистория»), фонде 532 Отдела Рукописей Российской национальной библиотеки («Основное собрание русских актов и грамот»).

¹⁸ Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 2–3.

В документах по крупницам выявлены сведения о жителях Фоймогубского прихода, которые позволили реконструировать родственные и социальные связи священника-самозванца, служивших в приходе во второй половине XVII — первом десятилетии XVIII в. клириков и расширить представление о повседневной жизни приходской общины в годы, предшествовавшие развернувшимся событиям. Обнаруженные данные позволили в значительной степени отказаться от следования за нарративом и оценить, насколько правдоподобными были данные священником-самозванцем показания. С целью рассмотрения житейской ситуации в контексте мероприятий, предпринятых церковными властями, привлечены законодательные материалы и грамоты новгородских митрополитов, касающиеся мер по устроению контроля за церковно-приходской жизнью общин.

Почему «самоставец» не был разоблачен мирянами?

Ввиду активных мер, которые предпринимала церковная иерархия во второй половине XVII в., встает вопрос, почему в течение почти целого года ни община, ни церковные власти не заподозрили Ивана Харитонов в обмане. В этом смысле представляется в первую очередь важным выяснить отношения, которые складывались между общиной и ставленником.

Согласно свидетельству последнего, придя из Великого Новгорода осенью 1716 г. домой, он объявил о своем рукоположении в сан, однако уверил всех, что «данной-де о том поставлении указ» оставил «в заемных деньгах в закладе... у знакомых людей»¹⁹. По свидетельству жителя деревни Патровой Ивана Иванова, который подал в 1720 г. на «самоставца» извет, последний будто бы даже «показывал приходским людям... грамоту» о своем посвящении²⁰. Зная, как должны выглядеть рукоположенные священники, Иван Харитонов изменил свой облик. Согласно его собственному свидетельству, на обратной дороге недалеко от Сясьского погоста он встретил «незнаемого человека», который «простриг ему... гуменцо»²¹. Заверений Ивана Харитонova прихожанам оказалось достаточно, для того чтобы допустить его к служению, хотя, согласно действовавшему церковному законодательству, без предъявления ставленнической грамоты от архиепископа клирики не имели права священнодействовать ни в одной церкви, хотя бы и были законно рукоположены²².

Чем же объяснялось доверие, оказанное общиной Ивану Харитонову? На допросе перед епископом Карельским и Ладожским Аароном Иван Харитонов утверждал, что был избран законно, то есть с общего согласия всех прихожан, которые, «дав ему обыкновенной выбор и челобитную за руками, послали для посвящения в Великий Новгород»²³. Приводя доводы о причинах своего избрания, Иван Харитонов ссылаясь на соблюдение приходских традиций и требований церковных властей. В первую очередь он отметил, что «выбрали... приход-

¹⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 20 об.

²¹ Там же. Л. 2 об.—3.

²² См.: *Перов И. Ф.* Епархиальные учреждения в Русской Церкви в XVI—XVII вв. Рязань, 1882. С. 42.

²³ ГАНО. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

ские люди в попа ево Ивана, потому что ему то поповское место природное»²⁴. Заявления Ивана Харитонов не были голословными. Как удалось установить, он приходился внуком священнику Мануилу Андрееву, который вошел, вероятно, не без протекции брата, клирика Артемия Андреева, в причт церковью Шунгского погоста в 1651/52 г.²⁵ С возведением в конце 1640-х гг. церкви Николая Чудотворца в Лижемской волости Кижского погоста Мануил Андреев перешел в выставку в 1652/53 г. и стал служить там «из найму мирских людей» вплоть до 1673/74 г., когда после смерти священника Гаврилы Васильева перебрался в Фоймогубу — выставочный приход родного Шунгского погоста²⁶. В конце 1670-х гг. место отца занял сын — Харитон Манойлов²⁷. Священниками, таким образом, являлись дед и отец Ивана Харитонов, и он мог продолжить служение уже в третьем поколении.

Следует отметить, что выбор сына клирика в качестве кандидата на место отца был вполне обычным явлением для приходов Заонежских погостов, в которых во второй половине XVII в. постепенно распространялась практика закрепления отдельных церковных должностей за представителями священнослужительских родов²⁸. Более того, эта практика была закреплена на церковном соборе 1667 г., одно из определений которого гласило, что именно сыновья священников являлись наследниками «по ним церкви и церковному месту»²⁹.

Иван Харитонов ссылался и на приобретенные им навыки служения в храме, которые обязательно учитывались церковной администрацией при утверждении кандидатов на церковные должности. Согласно определениям Стоглава 1551 г., от желавших занять место священника требовалось, чтобы они «грамоте бы умели, чтобы могли церковь Божию содержать и детей своих духовных... управити могли по священным правилам»³⁰. Эта норма была подтверждена на церковном соборе в 1667 г. Отмечая, что из-за невежества «бывают в церкви Божией мятежи и расколы», церковные власти повелевали, чтобы «всякий священник детей своих» учил «грамоте... и всякому церковному благочинию со всяким прилежанием», чтобы те были «достойны в восприятие священства»³¹.

В Новгородской митрополии уже во второй половине XVII в. архиереи относились со всей строгостью к оценке уровня подготовки ставленников и их личных качеств. Сохранилась грамота митрополита Макария, отправленная в 1654 г. архимандриту Тихвинского Успенского монастыря Иосифу с повелением

²⁴ ГАНО. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

²⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. Л. 167; Кн. 1137. Ч. 1. Л. 54.

²⁶ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 532. Д. 5093. Л. 28; Сулова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века. Петрозаводск, 2013. С. 87.

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1137. Ч. 2. Л. 325.

²⁸ См.: Сулова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. Петрозаводск, 2013. С. 43, 46—47.

²⁹ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. С. 699. (№ 412).

³⁰ Стоглав 1551 г. Текст / Отв. ред. Н. В. Синецина; подг. к печ. Е. Б. Емченко. М., 2000. С. 285—286.

³¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. С. 699. (№ 412).

разослать в приходы Нагорной десятины Обонежской пятины памяти с повелением включать в тексты выборной грамоты подробный перечень сведений о ставленнике и прилагать к ней сказку духовного отца о том, что кандидат «свидетелствован и священства достоин»³². Уверенно полагаем, что такое же повеление было послано и в соседнюю Заонежскую десятину Обонежской пятины. Уже в первой трети XVIII в. центральная светская и церковная власть установила жесткий контроль за действиями архиереев по вопросам назначения ставленников. Согласно приговору церковного собора и Правительствующего Сената от 25 апреля 1711 г. последним вменялось в обязанность быть «в слушанье ставленников... опасну и жестоку, и аще явится неумение... таким весьма отказывать» под страхом сурового наказания — удаления с кафедр³³.

Показания Ивана Харитоновича позволяют заключить, что сказки духовного отца он с собой не привез. Несмотря на это, епископу Аарону вряд ли пришлось сомневаться в наличии у него навыков служения в храме. Как утверждал сам Иван Харитонов, в приходе «никто про то, что он самоставец, не ведал, потому что» он, «приходя из младенчества в церковь и входя для подаяния кадила и исправления пономарства в олтарь, у оного преждебывшаго тое выставки попа... как совершается божественная служба присмотрел»³⁴. Его свидетельство находит подтверждение.

Хотя священник Харитон Манойлов мог достаточно долго обучать детей — вплоть до своей смерти, случившейся в 1702/03 г., нет оснований полагать, что его сын Иван Харитонов именно от отца получил все необходимые навыки церковного чтения, пения и письма. Вероятно, он был одним из младших сыновей, так как еще в 1678 г. писец Иван Аничков отметил наличие у молодой семьи Харитона Манойлова, проживавшей во дворе священника Мануила Андреева, только двух сыновей — семилетнего Федота и четырехлетнего Ануфрия³⁵.

С появлением в приходе в 1705 г. нового клирика — Афанасия Калининкова — сыновья Харитона Манойлова оказались не у дел. Должности дьячка и пономаря в причте заняли ближайшие родственники священника — сын Евсегней и внук Петр³⁶. Только при Андрее Анисимове, который, если доверять показаниям Ивана Харитоновича, служил священником в приходе «лет з десять и больше», Иван Харитонов, заняв место пономаря, продолжил обучение³⁷. Обладая незаурядными способностями, он, по всей видимости, выучил порядок совершения богослужений и исправления треб.

С санкции общины по приезде домой «самоставец» приступил к исполнению священнических обязанностей. Согласно его собственному свидетельству, с конца августа до начала декабря 1716 г. он совершал все таинства, которые по церковным канонам имел право совершать только священник, пока не

³² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1856. С. 493–494. (№ 331).

³³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 4. СПб., 1830. С. 668. (№ 2352).

³⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1137. Ч. 2. Л. 325 об.; Кн. 8579. Л. 481 об.

³⁶ Там же. Кн. 8579. Л. 232.

³⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

«заскорбел»³⁸. С Пасхи до Троицы 1717 г. «отправлял в церкви по празником и воскресным дням» только «утрени и вечерни и часы», объясняя это тем, что после смерти просфорницы Ненилы Терентиевой «просфир печь стало некому» и потому литургии он не совершал³⁹. Наконец, с Троицы до Ильина дня «Божественные службы, вечерни и утрени, и часы совершать, и в приходе потребы исправлять перестал», раскаявшись в содеянном⁴⁰.

Низшее церковное управление: меры новгородских митрополитов по выстраиванию вертикали власти

С целью организации более действенного контроля за церковно-приходской жизнью новгородские митрополиты во второй половине XVII в. провели важные преобразования в системе управления. Так, в Заонежской десятина в конце 1650-х — начале 1670-х гг. во главе округов («станов») вместо светских слуг были поставлены поповские старосты, должность которых занимали либо строители карельских монастырей, либо избранные местным духовенством наиболее опытные и авторитетные приходские священники⁴¹. В то же время, как отметил Б. Д. Греков, светские слуги сохраняли «известное значение в делах епархиальных» и получали соответствующие наказания в том случае, если с поручениями не мог «справиться священник или монах»⁴².

Именно на поповских старост был возложен контроль за приходскими выборами и проверкой у рукоположенных в сан кандидатов ставленных грамот. Еще на Стоглавом соборе 1551 г. было принято определение, согласно которому поповским старостам вменялось в обязанность проверять у «священников, приходящих к ним, держат ли у себя хиротонии и чтут ли по ним, и себе внемлют ли»⁴³. В инструкции, составленной в 1697 г. при патриархе Адриане, эта обязанность за поповскими старостами была сохранена. Им повелевалось по-прежнему «всех церковей у попов и у диаконов досматривать ставленных... грамот»⁴⁴.

Однако церковная иерархия значительно пересмотрела свое отношение к служению ставленников без хиротонии. Так, еще Стоглав 1551 г. устанавливал достаточно мягкие меры в случае обнаружения подобных фактов. В частности, если «у которых священников не будут хиротонии», повелевалось, чтобы «те бы приходили к святителем, койждо во своем пределе, и имали хиротонии от своих святителей»⁴⁵. Контроль за священнослужителями и вся полнота ответственности возлагалась на поповских старост. Тем из них, которые «начнут покрывать... безчинных» священников и дьяконов, следовало «быти от святителей в на-

³⁸ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 3 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Сулова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. С. 24–25.

⁴² См.: Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. С. 141, 155.

⁴³ Стоглав... С. 295.

⁴⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. СПб., 1830. С. 415. (№ 1612).

⁴⁵ Стоглав... С. 295.

казании и во отлучении»⁴⁶. Уже согласно инструкции 1697 г. поповским старостам вменялось в обязанность «всех церковей у попов и у диаконов досматривать ставленных... грамот» и в случае, если «попы и диаконы служат без ставленных... грамот», высылать «без замотчания к Москве», а «церкви... запечатать»⁴⁷.

Еще ранее — в середине XVII в. — весьма строго к подобным случаям относились новгородские митрополиты. Так, в 1661 г. владыка Макарий настойчиво требовал, чтобы поповские старосты досматривали наличие у священнослужителей вверенных им округов ставленных грамот и, в случае их отсутствия, высылали клириков, взяв за них поручные записи, в Великий Новгород⁴⁸. Стремясь выстроить вертикаль власти и осуществлять контроль за исполнением поповскими старостами возложенных на них обязанностей, митрополит Корнилий (1674—1695) создал при Судебном разряде два специальных приказа. Как установил Б. Д. Греков, один из них — Духовный — осуществлял через поповских старост и десятских священников контроль за поведением сельского духовенства и его непричастности к расколу⁴⁹. Второй приказ — Тиунский — был призван «спасать Церковь от входящих в нее пороков», то есть наблюдать, чтобы в церквях соблюдалось единогласное чтение и пение, ежедневно совершались службы, священники были трезвыми и должным образом поучали свою паству⁵⁰.

Усиление контроля за внутренней жизнью приходов, во многом достигнутое благодаря организации более сложной системы низшего церковного управления, позволило добиться новгородским владыкам существенных результатов. Об этом свидетельствует увеличение количества обнаруженных фактов служения в церкви ставленников без грамоты или без пометы о ее подтверждении новым митрополитом. Так, например, в 1678 г. священник Ребовского погоста Константин Пахомов был обвинен в том, что служил литургию, не имея на то права⁵¹. В 1696 г. несколько клириков должны были предстать со ставленными грамотами перед новгородским митрополитом Евгением «ради поновки этих грамот»⁵². Спустя еще два года дьячок выставки Городок Пусторжевского уезда Шелонской пятины Юшка Микляев «дерзнул литоргисати и младенцов крестити и брачных венчати и умерших отпевати и приходящих к покаянию исповедовати» без рукоположения в священнический сан⁵³. Еще один случай был выявлен строителем Кедринской пустыни иеромонахом Гаврилой, исполнявшим должность заказчика Заонежской десятины в 1714 г. Он обнаружил, что Родион Осипов сын Попов, проживавший в Иванковской волости Оштинского погоста, «явился... без хиротонисания во отпращивании божественных литургий и протчих служб и в крещении младенцов и в венчании свадеб и в погребении с отпеванием умерших»⁵⁴.

⁴⁶ Стоглав... С. 296.

⁴⁷ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. СПб., 1830. С. 415. (№ 1612).

⁴⁸ См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). Т. 4. СПб., 1842. С. 296—299. (№ 151).

⁴⁹ См.: Греков. Указ. соч. С. 177—178.

⁵⁰ См.: Там же. С. 181—182.

⁵¹ См.: Там же. С. 147, 152.

⁵² См.: Перов. Указ. соч. С. 43.

⁵³ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 5.

⁵⁴ Там же. Л. 6.

Церковные власти и священник-«самоставец»: почему тайна не раскрылась сразу?

В свете мероприятий, проводимых новгородскими митрополитами, возникает вопрос, почему их должностным лицам не удалось раскрыть тайну Ивана Харитонова, который спустя почти год самовольного служения «явился» в Великий Новгород «собою, а не по посылке» и во всем повинулся, объясняя это тем, что, исцелившись от болезни, «обещался о вышепомянутых делах своих лживаго поповства принести явное вины своей покаяние»⁵⁵.

Об одной из причин позволяют судить показания самого Ивана Харитонова. Согласно его словам, епископ Карельский и Ладожский Аарон, рассмотрев переданные им документы, «изволил сказать, что ему вновь к посвящению приходящих по преставлении преосвященнаго Иова митрополита ставить без указа великаго государя не велено», за исключением тех, кто «издавна к поставлению записаны и по его архиерейской смерти не посвящены остались»⁵⁶. Иподиакон Василий Григорьев отдал Ивану Харитонову обратно мирские грамоты — «выбор» и челобитную, после чего, вероятно, за множеством других неотложных дел о нем в канцелярии митрополита забыли⁵⁷.

Уверенно полагаем, что не проверил наличие у него ставленной грамоты и поповский староста. Дело в том, что если во второй половине XVII в. во главе каждого из трех станов Заонежской десятины — Выгозерского, Водлозерского и Оштинского — был свой поповский староста, то с конца 1690-х гг. все обязанности совмещались в руках одного из них. Как удалось установить, в 1712 и 1719 гг. эту должность занимал священник Оштинского погоста Дмитрий Евстафеев, а в 1714 г. — строитель Кедринской пустыни иеромонах Гаврила⁵⁸. Оба служили в приходах Оштинского стана, поэтому поездки в отдаленные карельские приходы требовали от них не только дополнительных расходов, но и времени. В то же время личное покаяние Ивана Харитонова в содеянном убеждает в том, что он был неплохо осведомлен об ужесточении контроля за ставленниками и, по всей видимости ожидая разоблачения, отправился в Новгород, надеясь на смягчение наказания.

К концу 1710-х гг. в митрополичьем приказе уже имелся опыт рассмотрения подобных дел. Так, например, упомянутого выше Юшку Микляева было велено «смирять шелепами без пощады» и отправить в один из монастырей «куда пристойно» и там содержать «в земляной тюрьме в кандалах неисходно»⁵⁹. Родион Осипов сын Попов был сослан в Рдейскую пустыню, где его было «велено держать скована до указу»⁶⁰. Поэтому в отношении Ивана Харитонова епископ Карельский и Ладожский Аарон вынес приговор практически сразу же — спустя всего семь дней после его появления в Новгороде. Архиерей повелел «за выше-

⁵⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 21.

⁵⁶ Там же. Л. 2 об.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См.: Иераршие грамоты: Грамота № 9 / Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Ч. 2: Материалы отечественные. 1871. Кн. 4. С. 163–164; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 42. Л. 1; Д. 31. Л. 6.

⁵⁹ Там же. Л. 5 об.

⁶⁰ Там же. Л. 6.

означенную... вину и к Святым Таинствам дерзость... учинить... смирение: бить плетью нещадно... и по смирении» выслать до окончательного вынесения указа в Александро-Свирский монастырь⁶¹.

Отказ смягчить наказание ввиду личного покаяния свидетельствует о том, что церковные власти оценивали подобное нарушение как «дерзновение»⁶². Все таинства и требы, совершенные «самоставцем», хотя и имевшим выборную грамоту, но не рукоположенным в сан, рассматривались как не имеющие божественной благодати. Поэтому священник Шунгского погоста Семен Григорьев, получивший соответствующий указ, в Фоймогубском приходе заново «крещенномнимых крестил, брачных венчал, над погребенными пение отправил, родильницам молитвы давал и младенцам имена нарекал... по церковному чиноположению»⁶³. Таким образом, в условиях ужесточения законодательства по отношению к лицам, приступавшим к служению в приходах без хиротонии, «мнимое» совершение ими обрядов и треб оборачивалось для церковных властей дополнительными заботами по исправлению содеянного. Подобные меры, в свою очередь, приводили к серьезным последствиям. Так, например, одна из женщин, которую Иван Харитонов венчал с жителем Космозерской волости Кижского погоста, воспользовалась сложившейся ситуацией и, по свидетельству священника Семена Григорьева, «вновь... в брачное совокупление к венчанию со оным мужем не пошла»⁶⁴.

Кроме того, случаи занятия священниками-«самоставцами» церковных должностей лишали митрополита существенной части доходов. Так, за услугу «незнаемого человека», который «простриг ему... гуменцо», Иван Харитонов отдал всего две деньги. Это была чисто номинальная сумма, на которую в 1720 г. можно было купить пару лаптей⁶⁵. В то же время за получение ставленной грамоты каждый вновь посвящаемый, согласно докладной выписке патриарху Иоакиму из Казенного приказа, составленной в 1675 г., должен был уплачивать по два рубля (400 денег)⁶⁶.

Повседневная жизнь приходской общины в Фоймогубе в начале 1720-х гг.

Священническую должность в Фоймогубе вскоре занял Андреян Леонтьев⁶⁷. Он был сыном Леонтия Федорова, служившего клириком в Вырозерской волости Толвуйского погоста⁶⁸. В большинстве случаев священнослужители или их сыновья отправлялись в соседние приходы по собственной инициативе или по приглашению общины. Тем не менее есть основания полагать, что определенную, если не ключевую, роль в появлении в причте Фоймогубской церкви Андреяна Леонтьева сыграла церковная администрация, предпринимавшая активные шаги по борьбе с расколом и неприятием мирянами реформированного обряда.

⁶¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.

⁶² Там же. Л. 5 об.

⁶³ Там же. Л. 10.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 3. Д. 293. Л. 4 об.

⁶⁶ АИ. Т. 4. СПб., 1842. С. 562–564. (№ 259).

⁶⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2374. Л. 80 об.

⁶⁸ Там же. Ф. 1209. Кн. 1137. Ч. 1. Л. 118 об.; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 117. Л. 2.

На мысль об этом наводит тот факт, что родной брат Андреяна, священник Вырозерской церкви Юрий Леонтьев, в 1699–1700 гг. «по праздникам и по воскресным дням» отправлялся для совершения богослужений в Челмужский погост, жители которого обвинялись в том, что «раскольническому учению верят и от церкви Божией отшетились, и стоят в великой противности, и церковных святых таин не приемлют, и отцем духовным к покаянию не приходят»⁶⁹. Вскоре именно дьячок Вырозерской церкви Трофим Макарьев, который был «послан ставитца» от прихожан Челмужского погоста во священники, пробыв больше года в Новгороде и добившись доверия администрации, был рукоположен в сан⁷⁰.

Подобная практика переводов сыновей священников и клириков из других приходов в причты выставочной церкви Успения Богородицы Фоймогубы и соседних погостских церквей в Шуньге была не нова. Как удалось установить, в начале 1680-х гг. должность священника в Шуньге занял Марк Хрисанфов, сын священника Селецкого погоста, а в 1705 г. в Фоймогубу из отдаленного Юштозерского прихода Семчезерского погоста на освободившееся место перешел Афанасий Калинин⁷¹. Известно, что Марк Хрисанфов, послушно исполняя распоряжения священноначалия, вызвал недовольство части мирян. Согласно свидетельству его сына Мишки Маркова, допрошенного в 1700 г., в одну из ночей к ним во двор «приезжали... воры и раскольники из лесов... и с ружьем..., и отца ево попа Марка сыскав на сарае в соломе, обухами били и бороду выдрали» и заявляли: «Для чего ты, поп, на нас извещаешь и сказки подаваешь!»⁷².

Практика занятия священнических мест в причтах Фоймогубы и соседних с ней приходов — до и после самовольного служения Ивана Харитоновича — наводит на мысль о том, что епископ Карельский и Ладожский Аарон в свое время мог просто отказать ему, как сочувствовавшему старым традициям служения, в утверждении на должность и рукоположении в сан. Об этом позволяет судить слишком поспешный отъезд Ивана Харитоновича из Новгорода. Ссылаясь на отсутствие средств к существованию, последний заявлял, что пробыл в городе всего четыре недели, в то время как некоторые кандидаты ожидали посвящения в сан более года⁷³. Под сомнение можно поставить и тезис Ивана Харитоновича о том, что епископ Карельский и Ладожский Аарон не рукополагал новых ставленников. Есть основание полагать, что вскоре архиерей получил соответствующее разрешение, так как в числе посвященных им в священнический сан в 1720 г. был священник Шунгского погоста Иван Андреев⁷⁴.

Приходская община и церковная администрация: особенности взаимодействия по вопросу замещения церковных должностей

Во второй половине XVII — первой трети XVIII в. церковные власти стали уделять пристальное внимание комплектованию сельских причтов — одному из самых значимых вопросов в жизни приходов, так как в процессе его решения

⁶⁹ Судное дело о разорении... С. 289, 293.

⁷⁰ См.: Там же. С. 294; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8579. Л. 183.

⁷¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8579. Л. 191 об., 481 об.

⁷² Судное дело о разорении... С. 298.

⁷³ Там же. С. 294; ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 31. Л. 2 об.

⁷⁴ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 53. Л. 28 об.

определялся состав клира, стоявшего во главе общины. В историографии принято считать, что определения церковных соборов и законодательные акты, принятые в этот период, были направлены в первую очередь на регламентацию мирских выборов. В то же время внимательный анализ мероприятий, проводимых новгородскими митрополитами, так же как и реконструкция социальных связей внутри приходских общин Заонежья, позволяет утверждать, что церковная иерархия предприняла более масштабные меры, стремясь поставить под контроль всю процедуру замещения церковных должностей — от выбора прихожанами подходящего кандидата до его рукоположения в сан и возвращения в приход для последующего служения.

Церковная иерархия осознала, что реализация подобных мер была возможной только в случае выстраивания более жесткой вертикали власти. В то же время в епархиях, раскинувшихся на обширных пространствах Российского государства, реализация подобных мер оказывалась непростой задачей. С целью ее решения уже на церковном соборе 1667 г. была высказана мысль о расширении числа епархий, которых было всего тринадцать. Однако только спустя 15 лет определениями собора 1682 г. были образованы четыре новые епархии, в том числе Устюжская и Холмогорская, ранее входившие в состав Новгородской митрополии⁷⁵.

Новгородские митрополиты, поставленные перед необходимостью реализации мероприятий, предпринимали активные шаги по организации более разветвленной системы низшего церковного управления, в том числе в Карелии. Во второй половине XVII в. в Заонежской и Коловой десятинах, а также северных Лопских погостах была введена должность поповских старост, получивших значимые полномочия. Они не только собирали церковную дань и пошрины, но также исполняли функции приставов и сыщиков по духовным делам, контролировали духовную и нравственную жизнь прихожан и клириков вверенных им округов⁷⁶.

Несмотря на то что эту должность занимали сельские священники, избранные местным духовенством из своей среды, или строители карельских монастырей, новгородские владыки всецело опирались на их помощь в управлении приходами. Есть основания полагать, что через поповских старост церковные власти могли влиять на выбор общиной того или иного кандидата, который бы устраивал и общину, и владыку. Именно поповским старостам было вменено в обязанность осуществлять тщательный надзор за всеми этапами процедуры замещения священнических должностей — от выбора кандидата мирянами до утверждения рукоположенного ставленника в причте. В свою очередь контроль за поповскими старостами был возложен на светских слуг митрополита, служивших в двух созданных во второй половине XVII в. подразделениях в составе митрополичьего разряда — Тиунской избы и Духовного приказа.

Не имея возможности отменить обычай выбора мирянами ставленников, церковная администрация стремилась использовать механизм выборов в собственных целях, утверждая на должностях тех, кто оказывался послушным ис-

⁷⁵ См.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 235–236. (переизд. с изд. 1959 г.).

⁷⁶ См.: *Суслова.* Церковь и крестьянское... С. 25.

полнителем распоряжений священноначалия. В конечном счете выстраивание вертикали власти и организация более эффективного контроля за приходскими выборами обеспечивали проведение церковной реформы, направленной на унификацию совершения богослужений по новым служебникам.

Тем не менее община по-прежнему принимала самое непосредственное участие в выборе кандидатов на церковные должности. Между мирянами и ставленником складывались доверительные отношения, которые имели гораздо большее значение, чем отношения, подкрепленные письменно оформленными актами. В их основе лежал не только постепенно утверждавшийся принцип выбора в причт хорошо знакомых прихожанам родственников священников. Нередко ставленники были связаны узами родства с мирянами и со священнослужителями, которые могли за них ходатайствовать.

Случаи служения в приходах Заонежской десятины сыновей клириков, не рукоположенных в сан, свидетельствуют и о том, что для приходских общин, особенно малообеспеченных, оказывалось важным не столько жесткое соблюдение церковных норм, которые оставались достаточно мягкими вплоть до середины XVII в., сколько решение собственных насущных проблем. Оставшись без священника, миряне вынуждены были приглашать для совершения тех или иных обрядов клириков из соседних приходов. Так или иначе с новыми требованиями приходская община знакомилась путем постоянного взаимодействия с представителями церковной администрации, в числе которых были наиболее авторитетные в округе клирики.

Ключевые слова: традиции общинного самоуправления, крестьянская община, приходские выборы духовенства, священнослужитель, хиротония, православный церковный приход, Новгородская митрополия, Заонежская десятина, Олонецкий уезд, Русская Православная Церковь, раннее Новое время.

Список литературы

- Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912.
- Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII в.: Церковно-исторический очерк. СПб., 1908.
- Греков Б. Д.* Новгородский дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914.
- Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. СПб., 2003 (переизд. с изд. 1867 г.).
- Знаменский П. В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 2003 (переизд. с изд. 1873 г.).
- Камкин А. В.* Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке: Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1993.
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. Т. 2. М., 1992 (переизд. с изд. 1959 г.).
- Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 1. СПб., 2014.
- Перов И. Ф.* Епархиальные учреждения в Русской Церкви в XVI—XVII вв. Рязань, 1882.

- Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009.
- Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999.
- Старицын А. Н. Просопография северной деревни времен церковной реформы XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 5–10.
- Суслова Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.
- Суслова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века. Петрозаводск, 2013. URL: http://carelica.petsu.ru/Reading_hall/Suslova/Titul.pdf (дата обращения 17.10.2016).
- Суслова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего Нового времени: складывание династий. Петрозаводск, 2013. URL: http://carelica.petsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html (дата обращения 17.10.2016).
- Тимошенкова З. А. Приходские церкви и крестьянский мир на северо-западе России во второй половине XVII — начале XVIII в. // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 474–493.
- Freeze Gregory L. The Russian Levites: parish clergy in the eighteenth century. Cambridge; L., 1977.

St Tikhon's University Review.
Series II: History. Russian Church History.
2017. Vol. 74. P. 63–79

Evgeniia Suslova,
PhD in History,
Senior Researcher of State funded project 653-14
“Traditional society as a factor of stability
in a multi-ethnic border region:
Karelia in the 17th — beginning of 20th centuries”,
Specialist of Investigative Laboratory for Local
and Microhistory of Karelia of the Institute of History,
Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, 33,
Lenin prospect, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
e vgeniasus@rambler.ru

KARELIAN SELF-APPOINTED ORTHODOX PRIEST IN FRONT OF THE CHURCH ADMINISTRATION IN THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY

E. SUSLOVA

The article “Karelian self-appointed orthodox priest in front of the church administration in the first third of the 18th century” focuses on the church hierarchy activity in the field of regulating of filling priest’s vacancies in the Zaonezhskaya tithe of the Novgorod metropolitan in the second half of the 17th — first third of the 18th century. The issue is analyzed in the light of the case, which arose around the fact that a person, who assured the community in his ordination, occupied the position of the priest. The research is based on revealing of social and family relations among the parishioners and clergy during a few decades and on examination of the case in

a wide context of the Church law and measures that were undertaken in this sphere by metropolitans of Novgorod. The investigation shows that parish communities in Zaonezhie used actively their right to elect candidates for the position of priest. The church authority acknowledged the legitimacy of the parish elections, but, at the same time, took intensive steps for regulation of filling priest's vacancies in order to unify and bring discipline into the spiritual life of Karelian parishes. Metropolitans of Novgorod successfully carried the requirements of the Church hierarchy by introduction of the position of priests' elders, who served their archbishop, but in comparison with the other agents had authority among local clergy and parishioners.

Keywords: traditions of community self-government, peasant community, parish clergy elections, churchman, ordination, Orthodox Church parish, Novgorod metropolitan, Zaonezhskaya tithe, Olonetsky Uyezd, Russian Orthodox church, Early Modern Time.

References

- Freeze Gregory L. 1977. *The Russian Levites: parish clergy in the eighteenth century*. Cambridge; L.
- Kartashev A. V. 1992. *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi: V 2 t. [Essays on the history of the Russian Church: in 2 V.]*. 2, Moscow.
- Mironov B. N. 2014. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu: V 3 t. [The Russian Empire: from tradition to the Modern: in 3 V.]*. 1, SPb.
- Pul'kin M. V. 2009. *Pravoslavnyi prikhod i vlast' v seredine XVIII — nachale XX v. (po materialam Olonetskoj eparkhii). [The Orthodox parish and the government in the middle of the 18th-beginning of the 20th c. Based on materials of the Olonets diocese]*. Petrozavodsk.
- Pul'kin M. V., Zakharova O. A., Zhukov A. Iu. 1999. *Pravoslavie v Karelii (XV — pervaja tret' XX v.) [The Orthodoxy in Karelia in the 15th-beginning of the 20th c.]* Moscow.
- Staritsyn A. N. 2014. Prosopografiia severnoi derevni vremen tserkovnoi reformy XVII v. [Prosopography of the northern village in the Church's reform period]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (56), 5-10.
- Suslova E. D. 2012. *Tserkov' i krest'ianskoe soobshchestvo v Karelii v kontse XV — nachale XVIII v. [Church and the peasant community in Karelia at the end of the 15th-beginning of the 18th c.]* SPb.
- Suslova E. D. 2013. *Tserkovno-prihodskaia sistema v Karelii kontsa XV — nachala XVIII veka. [The parish system in Karelia at the end of the 15th-beginning of the 18th c.]* Petrozavodsk, 2013. Available at: http://carelica.petrus.ru/Reading_hall/Suslova/Titul.pdf (17.10.2016).
- Timoshenkova Z. A. 1996. Prihodskie tserkvi i krest'ianskii mir na severo-zapade Rossii vo vtoroi polovine XVII — nachale XVIII v. [Parish churches and the peasant world in the North-West of Russia in the second half of the 17th — beginning of 18th c.] *Srednevekovaia i novaia Rossiia: Sb. nauch. st. k 60-letiiu prof. I. Ia. Froianova*. SPb, 474-493.
- Znamenskii P. V. 2003. *Prihodskoe dukhovenstvo na Rusi. [The parish clergy of ancient Russia]*. SPb.